

Павел Игнатьевич Шестаков
ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ ФЁДОРОВИЧЕ
НИЛОВСКОМ

В мае 1951 года я, тогда в звании капитана, в числе слушателей первого послевоенного набора закончил Артиллерийскую радиотехническую академию (АРТА г. Харьков). Числа 10-12 мая в Академию пришла шифровка, в которой были указания о частичной отмене назначений слушателей-выпускников, а также список из 20 человек, откомандированных в распоряжение Главного артиллерийского управления (ГАУ) Министерства обороны. В этом списке был и я.

Первая встреча с генерал-лейтенантом, Героем Советского Союза Сергеем Фёдоровичем Ниловским состоялась 4 июня 1951 года в ГАУ в приемной генерала Соколова. Я в группе офицеров — выпускников АРТА ожидал приема по вопросу назначения на должность. Ожидание длилось с 9.00 примерно до 12.00. В это время в кабинет генерала Соколова, извинившись перед нами, прошел генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, и наше ожидание затянулось ещё часа на три. Наконец-то раскрылась дверь кабинета, и в её проёме мы увидели генерала Соколова и ранее вошедшего к нему генерала, который был заметно возбужден.

Генерал Соколов сообщил нам, что о дальнейшей службе всю интересующую нас информацию мы получим у генерал-лейтенанта Ниловского Сергея Фёдоровича, который с этого момента является нашим начальником. Мы, конечно, накинулись на него со всеми наболевшими вопросами. Он, извинившись, сказал, чтобы мы ещё немного подождали ответов, так как он сам только что узнал о своём назначении, и ему необходимо немного сосредоточиться и осмыслить ситуацию. Примерно через час он появил-

ся, но снова вошел в кабинет генерала Соколова, где опять пробыл несколько часов. Наконец-то, уже поздним вечером, он вышел из кабинета и прямо в приемной объявил нам, что все мы будем работать вместе, но о характере работы пока конкретной информации нет. И поставил нам задачу, которая заключалась в том, что через сутки, то есть 6 июня 1951 года в 9.00 нам следует собраться на выходе станции метро «Аэропорт». При этом поставил нас в известность, что с этого момента его оперативный псевдоним «генерал Сергеев».

6 июня 1951 года от станции метро «Аэропорт» автомобиль «Москвич» генерала Ниловского перевёз нас в Центральный аэропорт. И только в самолёте от лётчиков мы узнали, что летим в Капустин Яр, и где он, примерно, находится. А зачем, с какими функциями летим, летчики, конечно, не знали.

В Капустином Яру на полевом аэродроме «Конституция» нас встретили и увезли в голую степь на объект №5, который представлял из себя почти квадрат со сторонами километр на километр, обнесенный колючей проволокой, с несколькими невзрачными строениями. Разместили нас в двух мрачных саманных бараках, основная особенность которых была в том, что в них сконцентрировались клопы всех времен и народов. Справедливости ради следует отметить, что месяца через два нас перевели во вновь отстроенные типовые «финские» домики, но расселили с «селёдочно-бочковой» плотностью.

Работа по испытаниям ЗУРС в то время велась в очень напряженном режиме, практически круглые сутки. Находились мы «де-факто» на казарменном положении. В основном работали, спали урывками и только тогда, когда возникала вынужденная технологическая пауза. В то время нам всем было под тридцать лет, позади было четыре года войны (в основном все были фронтовиками), потом шесть лет уче-

бы в Академии, то есть мы ещё не видели нормальной человеческой жизни. А тут опять жизнь в замкнутом пространстве за колючей проволокой. Обстановка в плане быта накалялась и обострялась.

Сергей Фёдорович почувствовал напряженность обстановки и как-то в беседе с нами заявил: «А не пора ли, братцы, самим подумать об организации своего досуга? Кругом девственная степь, лиманы, изрядное количество зверья и птицы, а все мы люди военные, привычные к оружию, маскировке и тому подобному, что как раз нужно на охоте». И тут-то оказалось, что многие из нас также думали об этом, но из-за серьезности и сложности выполняемых на полигоне работ не решались сказать об этом вслух.

Так возникла идея организовать на полигоне коллектив военных охотников. Сергей Фёдорович сообщил нам, что он уже был в Центральном совете военных охотников и принципиально обговорил все вопросы о формировании охотничьего коллектива, а сейчас нужен конкретный исполнитель этой задачи, желательно, имевший отношение к охоте в довоенное время. Я доложил, что в Сибири к этому вопросу приобщался с детства, и Сергей Фёдорович поручил мне дальнейшую раскрутку этого вопроса. Я, в ближайшую же командировку в Москву, пришел в Центральный совет военных охотников и доложил, что прибыл по поручению нашего командира генерал-лейтенанта С.Ф.Ниловского. Встретили меня радушно, снабдили литературой, бланками и прочим реквизитом, необходимым для создания коллектива. Рассказали, как это нужно оформить практически, и, вдобавок, снабдили меня охотничьими припасами (порох, дробь, гильзы, жевело и тому подобное), благо тогда это было недорого и нам по карману.

Когда я возвратился из Москвы и доложил Сергею Фёдоровичу о результатах посещения Центрального совета военных охотников, он объявил сбор всех же-

лающих заняться охотой и провел первое организационное собрание. На этом сборе мы решили все организационные вопросы по созданию коллектива военных охотников на полигоне, который в дальнейшем был зарегистрирован под №141 в составе Центрального совета военных охотников Центрального управления МО СССР. Первыми членами охотничьего коллектива стали: С.Ф.Ниловский — командир в/ч 29139, П.И.Шестаков — председатель бюро охотничьего коллектива, Б.С.Пуга, И.Ф.Казаков, В.И.Малов, Х.Ю.Каталов, В.Безруков, Ф.Шорохов, В.Сафронов, А.Сотников, В.Данченко, В.Исаков, В.Жебрун, И.Шальнов и другие.

Решить проблему экипировки охотника (ружья, патроны, инструменты для снаряжения патронов и ухода за оружием) нам помогло то, что в это время мы получили подъемные, к тому же и денежное довольствие по сравнению с академическим увеличилось в 2-3 раза. Ружья и припасы тогда продавались по приемлемым для нас ценам.

Перед первой охотой Сергей Фёдорович несколько раз собирал нас и проводил с нами теоретические занятия, приводил конкретные примеры из своей практики, соответствующие различным сложным ситуациям. Охота дело весьма непростое, ответственное, так как связано с групповым применением огнестрельного оружия, проводится в глухих заболоченных местах, в ночное время, требует выдержки и больших физических нагрузок. Стрельба по летящей со скоростью 20-25 м/сек утке с различными параметрами (встречная, угонная, боковая, с подъемом, со снижением и всегда неожиданно), да в условиях ограниченной видимости при скудном освещении заката или восхода солнца, из скрытого положения, стоя в вязком болоте, занятие хотя и очень увлекательное, но весьма тяжелое. Не проще и вытропить зайца или лису, обложить волков в степи или

в пойме Волги. Вот и учил нас Сергей Фёдорович как в считанные секунды, в неповторяющихся ситуациях решать задачу встречу дробы с уткой. А потом ещё под дождем, в крошечной темноте и по вязкому болоту выйти к месту сбора.

Для кого-нибудь это были азбучные истины как индивидуальной, так и коллективной охоты. Но в то время наш начинающий коллектив был очень разнообразен и по возрастному составу, и по подготовленности к охоте. Большинство имело опыт войны и учебы в Академиях, но были и юные лейтенанты, только что получившие офицерские погоны. Всех нас необходимо было объединить в один коллектив единомышленников, сплотить для совместных неслужебных действий, ведь в основном мы были начинающими охотниками.

Впоследствии многие из нас поняли, что Сергей Фёдорович уделял нам столько своего очень занятого времени, не только чтобы сплотить нас и скрасить наш полуказарменный образ жизни, но и заложить в нас высокую культуру охоты. Конечно не все, кто начинал тогда осваивать основы спортивной охоты, стали охотниками. Но те, кто прикипел к этому делу, стали охотниками высокой культуры и всегда стремились подтянуться к уровню и культуре охоты, к мастерству самого Сергея Фёдоровича.

И, наконец, наступило время первого коллективного выезда на охоту. Собирались, суетились, суматошно преодолевали всякие мелкие неувязки: то неисправна машина, то дрова забыли, то кто-то кого-то куда-то вызывает и тому подобное. Наконец-то выехали. Проехали метров 600-800 от пятого объекта (нашего места работы и проживания) до пересечения грунтовой дороги между степной деревней Житкур и КапЯром, как увидели движущуюся повозку, запряженную верблюдом, в которой ехал и мирно спал возница-казах. Увязавшийся с нами на охоту

прикомандированный полковник из службы режима с завидным служебным рвением стал стучать по кабине машины, где находился Сергей Фёдорович, и требовать остановки, чтобы разобраться в чрезвычайном (по его мнению, для нас — обыденном) положении. Служба режима на полигоне в то время была наиважнейшим элементом, а её служители — «богами». Мы все подумали, что охота сорвалась. Но Витя Моллов, сидевший рядом с полковником, сказал: «Да это же трактор». Мы все дружно поддержали эту версию. Машина остановилась. Сергей Фёдорович спрашивает, что случилось, в чем причина. Полковник, тыча пальцем в сторону верблюда, кричит, что на полигоне произошло ЧП (чрезвычайное происшествие), нарушен режим, надо арестовать, допросить и тому подобное. Мы опять все дружно закричали, что это трактор. Сергей Фёдорович посмотрел и, оценив ситуацию, подтвердил нашу версию, что это, действительно, трактор. И мы поехали на охоту. Обескураженный полковник тоже начал говорить, что это трактор, что он здорово обознался из-за пыли. Мы его уверили, что это был мираж — дескать, это часто встречается в степи. Такие «миражи» продолжались, пока жителей деревни Житкур не выселили из зоны полигона. Страсть к охоте победила безмерную формальную бдительность чиновника от режима.

По прибытию на степной лиман Сергей Фёдорович провел инструктаж, то есть напомнил нам, как нужно вести себя на групповой охоте. Всех развел и расставил по местам «присад» (огневых позиций), каждому объяснил особенности его позиции, вероятное направление подлета уток, меры маскировки.

Настало время «вечерней зорьки», это период суток, когда солнце уходит за горизонт, и наступают сумерки. Как правило (многое зависит от погоды) «зорька» занимает минут 20-30, редко до часа. В это время утки летят на жировку (кормежку), летят, сни-

жаясь, теряя скорость. Тут-то охотник не зевай! Мазали мы все по-страшному. В основном любовались, как стреляет Сергей Фёдорович. Трофеи наши оказались сверхскромными, то есть в сумме наши трофеи были в несколько раз меньше, чем добыча Сергея Фёдоровича. Когда собрались у костра, Сергей Фёдорович начал вразумлять нас, как организовать свое время в паузе до утренней зорьки. Учил нас, как сварить «шулют» из уток, как запечь неощипанную утку в земле под костром, как обсушиться и другим тонкостям охоты. Когда до утренней зорьки остался час-полтора, он рекомендовал нам разгрести костер, и на этом месте, сбившись кучкой, поспать до зорьки.

После утренней охоты, подводя общие итоги, Сергей Фёдорович сказал, что первая наша охота, проведённая по академической схеме, должна стать руководством в последующих охотах. И очень огорчил нас заявлением, что вряд ли он будет участвовать в наших последующих коллективных охотах.

И, действительно, в последующих коллективных выездах он не участвовал по различным не зависящим от него причинам, связанным с колоссальным напряжением, как по испытаниям ЗУРС, так и по строительству объектов полигона, на которые мы начали переселяться в 1952 году. Полигон рос не по дням, а по часам, расширялся, усложнялся, принимая черты крепкой научной организации, оборудованной передовой техникой и технологиями. За последующие долгие годы службы на этом полигоне мне пришлось организовать и провести очень много коллективных выездов на охоту с весьма разнообразным контингентом, но действуя по схеме, которой обучил нас Сергей Фёдорович, я ни разу не имел происшествий и несчастных случаев.

Сергей Фёдорович заразил наш коллектив идеей создания охотничьего стрелкового стенда. Доводы для этого у него были весьма основательны — это ре-

зультаты нашей стрельбы по уткам. Доказал нам, что полет утки в различных условиях можно моделировать запуском искусственных мишеней в виде стендовых «тарелочек». Но для этого нужно соответствующее оборудование и кое-какое строительство, и что это можно сделать своими силами и средствами.

Реализовать эту идею мы решили на объекте №30 новой территории полигона. В течение лета 1952 года и весны 1953 года мы, преодолев колоссальные трудности в закупке инвентаря, строительстве, налаживании производства мишеней (стендовых тарелочек), наладке и пуске оборудования, решили задачу создания охотничье-стрелкового стенда.

Состоялось не очень торжественное, но бурное его открытие. Провели первую тренировочную стрельбу и, к сожалению, она оказалась последней. Собрались много болельщиков, много желающих «стрельнуть» без всякой предварительной подготовки, было много шума, в общем «цирк». Новое начальство полигона посчитало, что с точки зрения техники безопасности и других причин эти «забавы» на объекте №30 недопустимы. Переносить же это все в степь у нас не было ни желания, ни сил. Наш стенд остался стоять на объекте №30, гордо возвышаясь в степи, но уже как памятник светлой мечте нашего коллектива.

Как начальник полигона, Сергей Фёдорович был вынужден бывать на многочисленных одновременно строящихся боевых объектах полигона, «разбираться» со строителями, штаб которых находился на объекте №10, руководить испытаниями, которые велись на объектах №5 и №6. Все это было разбросано по территории, занимающей площадь в несколько тысяч квадратных километров. Монотонная, длительная и нудная езда по голой пыльной степи, по разбитым проселочным дорогам, а то и вообще по компасу по целине. И все это повторялось, за редким исключением, каждый день, поэтому сама собой напрашива-

лась мысль как-то разнообразить и скрасить эту ситуацию. А так как Сергей Фёдорович больше всего любил охотиться в одиночку или в небольшой группе друзей (2-3 человека), то в его машине всегда находилось ружьё. Если время поездки совпадало со временем вечерней или утренней зорьки, он обязательно останавливался на заранее облюбованном или случайном месте. Вечерняя зорька, как я уже упоминал, в тех широтах длится всего-то около 20 минут, так что остановка не занимала много времени, но зато с лихвой искупала нудность степных перемещений. Голова светлела, заботы уже не казались такими злободневными. Стрелок он был отличный, да и приемами маскировки владел превосходно, так что охота всегда была результативной. Ну а если заяц, лиса или волк случайно встречались на его пути, то, как правило, перекочевывали в багажник его машины.

В последующие годы, после перевода к новому месту службы, Сергей Фёдорович не терял связи с нашим охотколлективом. Часто бывал в служебных командировках на полигоне, и, если время командировки совпадало с сезоном охоты, Сергей Фёдорович привозил ружье и прочую амуницию. Тут же связывался с охотколлективом, как правило со мной, и обязательно участвовал в очередном выезде на охоту. Иногда организовывали охоту и в узком кругу. Если на полигоне в это время был Александр Андреевич Расплетин, то обязательно ездили втроем в самые заповедные места. После вечерней зорьки засиживались у костра до утренней, ведя задушевные разговоры, а тем для бесед было в избытке. Чай с дымком уходил котелками. Но на утреннюю зорьку выходили свежими, бодрыми и полными надежд на удачу.

Наш же охотничий коллектив полигона, начавший свое становление по инициативе Сергея Фёдоровича, креп и развивался. Увеличивалось количество

членов. Росло их мастерство, осваивались новые территории, укреплялось взаимодействие с руководством полигона. Руководство ставило перед коллективом задачи по ознакомлению с местной флорой и фауной членов всевозможных комиссий и делегаций. Это компенсировалось беспрепятственным выделением транспорта на коллективные выезды на охоту, не ограничивая радиуса и места коллективных охот.

Участие в коллективных охотах помогало не только сбросить стресс повседневных, не очень-то регламентированных работ по испытаниям боевых средств, но также благотворно отражалось на физическом и моральном состоянии офицеров-испытателей. А в беседах у охотничьих костров и в длительных переездах, велись бесконечные разговоры о фактических и мнимых успехах на охотах и по жизни вообще.

Но всегда с гордостью и уважением вспоминали нашего Сергея Фёдоровича, первого наставника, учителя и друга. Нас всегда восхищала его мудрость и твердость в работе по становлению коллектива полигона, отслеживании строительства многочисленных боевых объектов на обширной территории, повседневном руководстве испытаниями принципиально нового вида вооружения, налаживании добрых и деловых взаимоотношений между офицерами-испытателями и представителями промышленности, интересы которых при испытаниях не всегда совпадали.

Участник Великой Отечественной войны,
ветеран войск ПВО и подразделений особого риска,
кандидат технических наук,
полковник в отставке

П.И.Шестаков
26 сентября 2005 года

Владимир Васильевич Крымов
ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ ФЁДОРОВИЧЕ
НИЛОВСКОМ

В 1957 году наш Военный НИИ переживал беспокойные времена. Предстояла передислокация из курортного города у Чёрного моря в город Калинин, где освободила служебные и жилые помещения Военная академия тыла. Одновременно проводились перемены в руководстве Института и в тематике его научно-исследовательских работ. После генерала Ованогляна, которого все сотрудники очень любили и тепло проводили на пенсию, начальником института стал полковник Т.И.Ростунов, который с самого первого знакомства личному составу не понравился.

В составе небольшой группы офицеров со взводом солдат я был направлен в Калинин для приёма и охраны служебных помещений, отводимых для размещения Института. В это же время начала формироваться в Калинин Военная Академия Войск ПВО.

В Москве, в Научно-техническом комитете Войск ПВО, в это время приходилось часто встречаться с начальником Академии ПВО генерал-полковником Шафрановым. Руководство нашего Института в Калинин представлял сначала полковник Наумычев, а позднее полковник Пукальчук.

Об отношениях между, так сказать, договаривающимися о разделении освободившихся фондов Академии тыла сторонами (Институтом и Академией), можно судить, например, из такого эпизода. Стройный, молодцеватый офицер Института полковник Пукальчук пришёл в кабинет начальника Академии генерал-полковника Шафранова для продолжения начатой в Москве работы по разделению упомянутых фондов. По-видимому, Пукальчук повёл себя несколько развязно, за что и был выдворен из кабинета. Ему было приказано зайти снова и обратиться по

уставу. Подойдя строевым шагом к письменному столу, за которым генерал-полковник что-то писал, Пукальчук с ужасом увидел, что под ударами сапог от сотрясения чернильница опрокинулась, и на бумаге генерала вылились чернила. Генерал от неожиданности растерялся и с упрёком произнес: «Ну что же ты наделал? Неужели не мог поаккуратнее?».

Академия тыла, помещения которой делились, оставила обоим военным учреждениям разбросанные по городу служебные и жилые помещения, и справедливого разделения их при соблюдении воинской субординации ожидать было нельзя. Наш новый начальник, полковник Т.И.Ростунов, в Калинин не торопился.

В процессе совместной работы с руководством Академии ПВО нам понравился заместитель Шафранова, генерал-лейтенант артиллерии С.Ф.Ниловский, с которым было спокойно работать и приятно встречаться. Мы мечтали: «Вот бы нам такого генерала в начальники Института!». И что вы думаете? Наша мечта вскоре сбылась. Институт переехал в Калинин, и начальником его вместо Ростунова был назначен Сергей Фёдорович Ниловский.

Мне пришлось в течение десяти лет часто встречаться с Сергеем Фёдоровичем в различной, в том числе и в совсем не служебной обстановке, вплоть до его увольнения в 1966 году, когда мы его с большой теплотой, как отца родного, проводили на пенсию.

Кроме общих забот по работе (я был начальником одного из научных отделов в Институте), нас сближала и общая страсть — охота. Сергей Фёдорович — боевой генерал, участник двух войн (Советско-финской и Великой Отечественной), Герой Советского Союза, отличный стрелок, опытный и страстный охотник. Под его началом и при непосредственном участии активно и полезно работал коллектив воен-

ных охотников Института. Сергей Фёдорович, несмотря на загруженность решением важнейших задач по созданию новой техники и перевооружению Войск ПВО, состоял членом гарнизонного совета Калининского областного Всеармейского общества охотников.

Это был человек, наделённый талантом и исключительными способностями к организаторской деятельности. Личным примером он мог воодушевить людей и повести их на подвиг. Был настойчив и храбр. Умел находить сподвижников, на которых мог надёжно опереться в сложных ситуациях и, как говорится, смело пойти с ними в разведку. Жил он в Калининне, в двухкомнатной квартире институтского дома. Квартира была очень скромно обставлена казённой мебелью. В этой квартире у Ниловского частенько останавливались прибывшие в командировку по делам военачальники и известные конструкторы. Семья Сергея Фёдоровича проживала в Москве (на даче), и он её периодически навещал. Иногда приглашал в Калинин на охоту своего фронтового товарища — врача и своего племянника Юрия, которого он опекал после гибели его родителей.

С.Ф.Ниловский оказался моим земляком. Я родился в Рязани, а он — в Рязанской области. Сохранился снимок, на котором запечатлен Ниловский среди офицеров земляков (их оказалось немало).

В холостяцкой квартире Сергея Фёдоровича был целый склад охотничьего снаряжения (резиновые лодки, сборные байдарки, чучела, резиновые матрасы и семь отличных штучных ружей). Все ружья ему были либо подарены, либо сделаны по его заказу на отечественных оружейных заводах.

Один из офицеров-охотников как-то уговорил хозяина продать ему ружьё, к которому не было боеприпасов. При первой же попытке пристрелять ружьё самодельными патронами ружьё разорвало, о

чём Сергей Фёдорович очень сожалел, ибо с ним были связаны приятные воспоминания.

Сергей Фёдорович любил совершать походы по рекам и озёрам на своей сборной трёхместной байдарке, прихватив с собой ружьё. Обычно напарником у него был я, долгое время не зная, что он не умел плавать. Об этом я узнал позже, когда потребовалось нам перебраться на другой берег узенькой речки вплавь.

Он был очень интересным собеседником. Его рассказы о войне запомнились многим из нас. Както на охоте он поведал о следующем. При подготовке наступления под Москвой в 1941 году Ниловский, являясь командующим гвардейскими миномётными частями Западного фронта («катюшами»), был вызван к члену Военного Совета Булганину для доклада о готовности к обеспечению наступления. При этом обнаружилось, что один полк ещё огневые позиции не занял, более того, и не прибыл ещё в район боевых действий. За невыполнение поставленных задач Булганин приказал Ниловского расстрелять. Сергей Фёдорович рассказал, как удалось ему убедить Булганина с его окружением дать время до утра, чтобы отыскать заблудившийся на железной дороге эшелон с миномётным полком. Благодаря принятым мерам инцидент был исчерпан.

На отдыхе после охоты он любил побеседовать с местными жителями о жизни, о международном положении. Его слушали всегда с интересом. Это был очень простой в обращениях с людьми человек.

Несмотря на доступность и простоту, при необходимости он проявлял твёрдость и высокую требовательность. Будучи начальником научного отдела, мне приходилось руководить научно-исследовательскими работами довольно большого коллектива, всячески способствовать подготовке учёных в отделе, где было уже 14 кандидатов технических на-

ук, а самому закончить оформление кандидатской диссертации всё ещё не удавалось. Сергей Фёдорович в самой жёсткой форме требовал от меня стать кандидатом наук. Он говорил, что на моё «кресло» начальника отдела имеется немало достойных кандидатов, повторяя каждый раз: «Учёным можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан» (имелось в виду кандидатом наук, так как должность — кандидатская). И я выполнил его требование. Сам он тоже защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата военных наук.

Он не любил, когда его подчинённые, не проявив должной инициативы и настойчивости, писали рапорта со ссылкой на объективные причины плохого выполнения задания или своих обязанностей, заставляя заниматься вопросами, им порученными, самого начальника Института.

На охоте, доводя план её проведения, отдавал конкретные распоряжения охотникам, говоря при этом: «Слушай сюда, сделай то-то и то-то. Как понял? Повтори». Причём, требовал повторения не только от офицеров-охотников, но и от охотников из числа рабочих и служащих, что у последних вызывало восторг, поскольку задание приобретало как бы очень важное значение.

Сергей Фёдорович к охоте готовился основательно. Заранее готовились кроки предполагаемых мест охоты (это старательно делала его секретарша). Не любил, когда кто-то опаздывал к отъезду на охоту. Сам был всегда предельно точен и пунктуален.

Таким был этот, в общем-то, очень добрый и внимательный к людям человек, всеми уважаемый военачальник, страстный охотник, равный среди равных, относившийся к своим сотоварищам по работе и увлечениям с отеческой заботой.

Однажды осенью Сергей Фёдорович изъявил желание поохотиться на перелётную дичь на реке

Медведице. Был намечен следующий план. На автомашине ГАЗ-69 повышенной вместимости коллективом в 5-6 человек выехать для охоты на уток и разделиться на две группы. Мы с Сергеем Фёдоровичем высадились на берегу реки Медведица у местечка Городок, откуда на байдарке спускались вниз по течению до встречи с другой группой охотников, которая, поохотившись на реке Кушалка, должна была ждать нас у места впадения Кушалки в Медведицу. Полковника Астафьева из этой группы перевезли на резиновой лодке на левый берег Медведицы, и он с молодой собакой породы спаниель ушёл в лес.

Не встретив на реке перелётных уток, мы с Сергеем Фёдоровичем уже вечером подплывали к месту встречи со второй группой охотников. С берега нас приветствовали. Сергей Фёдорович в байдарке встал и хотел тоже поприветствовать охотников, помахав рукой, однако потерял равновесие и упал в воду. Байдарка перевернулась, из неё выпали на дно реки наши охотничьи реквизиты, в том числе и ружья. К счастью, воды было только по грудь, и генерал мокрым выбрался на берег, где горел хороший костёр. Имуущество и ружья были найдены и, также как бегающий голышом генерал, подсыхали у костра. Позднее, когда стемнело, стали собираться домой. Ниловский торопился, на следующее утро ему надо было ехать в Москву с докладом Главкому Войск ПВО. Но ещё не вернулся с охоты Виктор Иванович Астафьев. Забеспокоившись, Ниловский справился о здоровье Астафьева у его друга. Тот сказал, что у Виктора Ивановича большое сердце. Сергей Фёдорович высказал неудовольствие, что пригласили на охоту больного человека и отпустили одного. Разожгли большой костёр на высоком берегу реки Медведицы и длительное время стреляли из ружей, но Астафьев так и не появился.

Был разработан вариант наших дальнейших действий. Мы должны были выехать на шоссе, ведущее из Рамешек в Калинин (по мосту через Медведицу), и в деревне Застолбье остановиться у чайной. Заблудившиеся или отставшие охотники обычно выходят к ближайшей чайной и ожидают там попутной машины.

Конечно, надежда на это была слабая. В том случае, если Астафьева у чайной не окажется, то надо будет к утру прислать поисковую группу для прочёсывания леса и поиска пропавшего. Я вызвался в этом случае остаться ночевать у последнего места охоты и продолжать подавать сигналы у костра. Может быть, пропавший охотник объявится, и тогда утром вместе с поисковой группой мы приедем в Калинин.

Примерно в первом часу ночи мы подъехали к чайной в Застолбье и к радости своей увидели Астафьева, сидящего на крыльце с жирной, спящей у него на коленях собакой. Выяснилось, что, измучившись в скитаниях с хозяином по лесу, щенок залёг и не смог дальше идти. Пришлось нести его на руках, причём возвращаться к месту сбора было уже далеко. Ближе было добраться по левому берегу до моста через Медведицу и ждать попутной машины у чайной в Застолбье.

С хорошим настроением, но изрядно уставшие, несмотря на неудачную охоту, мы возвратились домой.

В декабре-январе, когда на снегу отчетливо становятся видны следы зверя в лесу, охотники Института выезжали в Полубратовское охотничье хозяйство для охоты на кабанов. Организатором таких охот часто был Сергей Фёдорович. По прибытии к месту охоты он отправлял охотников в разведку, анализировал результаты разведки и предлагал решение. Посланные в разведку на лыжах охотники, двумя

группами двигаясь навстречу, охватывая большой массив леса, подсчитывали число входных и выходных следов кабанов. Это позволяло судить о наличии кабанов в данном массиве леса (делянке). Обнаружив кабанов, руководитель охоты расставлял лучших стрелков в засаду и посылал загонщиков на исходные позиции, откуда они в строго установленное время, покрикивая и постреливая, должны были двигаться в направлении на засаду.

На одной из таких охот, в которых участвовало обычно 16-18 человек, первые две попытки обложить кабанов оказались неудачными. Времени до начала сумерек оставалось немного. Я с товарищем ещё не успел сняться с «номера» при последнем окладе, как услышал шум приближающейся машины, на которой подъехал Ниловский. Торопясь, он объяснил нам, что остальных охотников он уже успел снять с номеров и перебросил в другой участок леса, где до наступления темноты организуется новая засада и загон без разведки. Мне и моему товарищу Роголёву было велено бегом направиться в новое место и занять номера с краю засады.

Когда мы заняли места стрелков в засаде, в лесу было уже почти совсем темно. Я услышал выстрел слева и шум приближающегося к нам стада кабанов. На мгновение увидел мелькающих между кустов в лесу двух кабанов. По обоим успел выстрелить и стал быстро перезаряжать ружьё. Внезапно я увидел в метре от себя галопом мчащегося мимо кабана. Сделав по нему два выстрела, я услышал, как по нему выстрелил и Роголёв. Потом мы вместе с подошедшим товарищем проверили, не лежит ли где-то рядом убитый кабан. Но в только что пробежавшего мимо нас кабана мы не попали — стреляли в абсолютной темноте.

Вдали слева, послышались голоса приближающихся к нам, снявшихся с номеров охотников, среди

которых был и Сергей Фёдорович. Зная, какую головомойку испытывает на себе стрелок-мазила при разборке результатов охоты, мне стало не по себе. В надежде на то, что, может быть, я всё-таки попал в кабана первыми выстрелами, пошёл к кустам, где промелькнули обстрелянные кабаны. Было уже совсем темно, однако я заметил конвульсивно дергающегося на земле зверя и тут же добил его. Трудно описать состояние охотничьей радости, которую я испытывал, показывая Сергею Фёдорович с другими охотниками свой трофей. Оказалось, что охотники убили ещё одного кабана, «Ну что же, с полем», — сказал Сергей Фёдорович.

Вспоминаю, как-то поехали с Сергеем Фёдоровичем поохотиться на тетеревов и рябчиков в район Луковниково Калининской области. Раньше нам приходилось в этих местах участвовать в облавах на волков, и местные охотники приглашали нас к себе, обещая хорошую охоту на глухаря, тетерева и на рябчика. Выехали после работы, вечером, с расчётом переночевать в деревне, а утром рано уже выйти на охоту. Как только выехали из города Сергей Фёдорович, усомнившись, что выключил электрический утюг после глажения одежды, решил вернуться назад, а это — нехорошая примета, говорят, что удачи не будет.

Вот уже миновали Торжок, и примерно в 20 километрах от намеченного места охоты Ниловский велел шоферу Анатолию (тоже охотнику) остановить машину. Захотелось поразмяться. Взяв ружьё, он направился к близлежащему лесу. Погода была пасмурная, моросил дождь. Мы с товарищем тоже побродили вдоль опушки и вскоре вернулись к машине. Ниловский ещё не вернулся. Попросили Анатолия включить боковую фару и направить её на низко летящие над лесом облака, отсвет от которых помог бы охотнику сориентироваться, где находится ма-

шина. Стемнело, мы стали стрелять, надеясь, что он нас услышит. Беспокойство возрастало, и я пошёл в лес искать пропавшего охотника, изредка стреляя и подавая голос. Лес становился заболоченным, в темноте трудно проходимым. И вот, наконец, я услышал голос Сергея Фёдоровича, оказавшегося рядом со мною. Как ни в чём не бывало, он молча пошёл за мной. В деревню, где мы должны были ночевать, приехали, когда было уже совсем темно, проделав путь по совершенно разбитой дороге, по лужам и грязи.

Утром нам удалось пострелять по косачам, стая которых пролетала низко над нами, когда мы пересекали участок леса, полагая выйти на овсяные поля. Первым стаю тетеревов обнаружил Анатолий. Мы не сразу разобрали, о чём он кричит. Оказалось, он кричал: «Тысячи, тысячи!». Мы с Сергеем Фёдоровичем подстрелили по 6-8 косачей. Такого я в своей практике не припоминаю.

Возбуждённые захватывающей охотой, мы вышли из леса. Стояла прекрасная солнечная осенняя погода. Ничто не напоминало вчерашний мокрый, пасмурный вечер. Невдалеке, на опушке березового леса, росли подосиновики. Их было так много, что издали сначала мы заметили большое жёлто-красное пятно. Грибами наполняли рюкзаки. Потом, увидев поляну с совсем молоденькими подосиновиками, мы высыпали грибы из рюкзаков (они нам показались слишком крупными) и укладывали в них только самые молоденькие, прочные подосиновички.

Охотившийся с нами местный житель пригласил нас к себе в гости. Изрядно уставшие, мы по приглашению его мамы зашли в горницу и были рассажены за стол, на котором чего только не было (всё было подготовлено заранее). Вскоре к нам присоединился отец гостеприимного охотника, колхозный конюх, которому было уже около 90 лет. За столом было

очень весело. Хозяева усердно приглашали нас приехать на охоту ещё. Сергея Фёдоровича, как самого старшего из нас, уговорили перед отъездом отдохнуть, предоставив ему свою кровать. Не раз потом мы вспоминали эту охоту и этих милых простых деревенских людей.

Давно наши охотники мечтали побывать на озере Великом, что на Оршанском мху северо-восточнее Калинина. С юга из него берет начало река Созь, впадающая в Волгу. На севере, на полуострове, расположен населённый пункт с церковью, где живут потомки сосланных ещё Екатериной Второй за какие-то грехи крестьян. Многие из местного населения этой деревни, носящей название Остров, имея моторные лодки, занимаются заготовкой клюквы и рыбной ловлей. Когда-то, на этом озере было изобилие дичи. Плавали лебеди, бродили по болотам лоси.

И вот как-то небольшим коллективом охотников мы вместе с Сергеем Фёдоровичем Ниловским отправились попутешествовать и поохотиться на озеро Великое. Из Калинина, через Горицы, по дороге на Кимры мы остановились в деревеньке Никитское, откуда по узкой протоке на сборных байдарках отправились на озера, в том числе и озеро Великое. На байдарке Ниловского вместе с ним поплыли я и Иван Прокофьевич Шапошник. В протоке Сергей Фёдорович несколько раз стрелял по взлетавшим уткам. Один из его выстрелов пришёлся по чирку, неожиданно взлетевшему чуть ли не из-под самой байдарки. От выстрела меткого стрелка чирок был разорван на мельчайшие части. Однажды проплыли совсем рядом со стоящей у протоки, недоумённо глядевшей на нас лосихой очень странной масти. Кругом обширные топкие болота, покрытые как ковром с торчащими из него тонкими высохшими и сгнившими берёзками, а кое-где и чахлыми сосёнками.

Погода ухудшалась, небо закрылось низко летящими сизыми облаками, подул сильный холодный ветер. Протока кончилась. За высокими камышами открылось огромное озеро. Почти у горизонта виднелась церковь деревни Остров. Неожиданно повалил снег. Мы решили, что на озеро выходить на байдарке нельзя — очень опасно. К тому же, уже темнело. Увидев на мшистом «ковре» копну сена (высохшего камыша), мы стали около него устанавливать палатку, подстелив под неё сена. В палатке нам втроём было тепло и уютно. Сергей Фёдорович угостил нас горячим кофе, который он всегда с собой возил в большом термосе. Спиртного он не употреблял и не курил. Поужинав, мы легли спать. Сквозь стенки палатки было слышно, как завывал ветер, и разбивались солидные волны, шумел камыш.

Утром мы вернулись по протоке к оставшимся на небольшом озере товарищам, которые наловили рыбы и приготовили уху на костре, разведенном на плоту, выложенном прямо на мху болота. Когда все собрались в Никитском, где нас ожидала машина, было о чём поговорить. Решили как-нибудь обязательно ещё побывать на озере Великом.

К генералу Ниловскому несколько раз приезжал в Калинин его старый фронтовой товарищ, полковник медицинской службы, которому Сергей Фёдорович, по-видимому, был очень обязан тем, что тот ему на фронте спас жизнь. Этот доктор был тоже страстный охотник, и однажды они сговорились встретиться в Калининe и поохотиться на тетеревов весной на токах.

Генерал попросил четверых своих товарищей по охоте, в том числе и меня, разведать, где такую охоту можно провести и её организовать. Накануне я с тремя товарищами выехал в район деревни Баскаки, что недалеко от реки Медведицы к северу от Калинина. Мы решили в этой деревне заночевать с тем,

чтобы рано утром провести разведку и затем у мест обнаруженных токов успеть построить шалаши, как для наших уважаемых старших товарищей, так и для себя.

В деревне мы встретили единственного жителя в лице старенькой женщины, дом которой находился на краю этой небольшой деревни, у самого леса. Спросили бабулю, водятся ли тут тетерева и много ли их. Она с охотой ответила: «Пчушки? Есть, есть. Много, ой много!» Бабуля была глуховата, и наш всегда весёлый офицер Петя Ткачёв решил сострить, спросив бабулю: «А слоны у вас водятся?». На что она ответила: «Есть, есть. Много, ой много». Так познакомились мы с этой бабулей, у которой в дальнейшем неоднократно останавливались.

Рано утром, ещё на рассвете, пошли по перелескам, по лесным полянам искать тетеревиные бои — тока. Была весна, звенели ручейки, в воздухе ещё не разошёлся туман. Вскоре услышали первый призывный клич косача, а затем и увидели незабываемую картину боя двух пар иссиня-черных, с красными украшениями на головках, косачей. Позже нашли ещё одно место, где токовали косачи. Построили шалаш и вернулись к нашей бабуле, поджидая приезда Сергея Федоровича.

Рано утром на следующий день мы заняли места в подготовленных шалашах. Ждать пришлось не долго. Вскоре уже шёл поединок двух пар косачей. И вдруг я увидел, что появился ещё один косач. Он сел на шалаш, в котором сидел Сергей Фёдорович с доктором. Как он потом рассказывал, для них было заманчиво выстрелить по этому косачу через крышу шалаша. Но при этом ведь поднимутся другие тетерева!

Добыв четырёх косачей, все охотники были очень довольны и, по возвращении к бабуле, обещали в следующий приезд привезти ей много всяких про-

дуктов. Ближайший от её деревни магазин был в 8 километрах, автобусы туда не ходили. Когда мы приехали, как-то снова, бабулю нашли в русской печке, где она, как у них было принято, мылась. Мы об этом догадались, увидев мелькавший в печи огонёк то ли свечи, то ли керосиновой лампы.

В конце 1961 года на одном из полигонов завершилась грандиозная научно-исследовательская работа с применением натуральных, воздушных ядерных взрывов. Помню, мы уже завершали работу по составлению и оформлению отчёта по этой НИР, когда я был срочно вызван в Калинин.

Сергей Фёдорович Ниловский, вызвав к себе, назначил меня начальником научно-исследовательского отдела, ведущего по одному очень важному направлению. Прежний начальник этого отдела, полковник Берёзкин, был снят с должности в связи со следующими обстоятельствами.

Шла партийная конференция Заволжского района города Калинина. На ней выступил один из ветеранов Великой Отечественной войны с осуждением насаждения нового культа личности, культа личности Н.С.Хрущёва. Партийное руководство области, города и района призвало конференцию немедленно осудить это выступление, как антипартийное. При голосовании за это предложение некоторые делегаты, убеждённые в правоте выступившего ветерана, воздержались. Среди воздержавшихся было несколько делегатов из числа офицеров нашего Института, в том числе и упомянутый выше Берёзкин.

От имени коммунистов Института, делегатов конференции, выступил Ниловский, заявивший, что партийная организация Института не согласна с обвинением Н.С.Хрущёва в возрождении культа личности. Фамилии всех воздержавшихся при голосовании за проект резолюции, предложенный президиу-

мом конференции, были зафиксированы для принятия мер.

Буквально на следующий день в Калинин прилетел член ЦК КПСС, Главнокомандующий Войсками ПВО Страны Маршал Советского Союза С.С.Бирюзов, который при посещении Института в отношении «провинившихся» офицеров — делегатов той конференции, предпринял карательные меры. Взыскание, как их начальник, получил и С.Ф.Ниловский. Его заместитель по политической части был снят с должности и уволен из Советской Армии. Также был снят с должности и полковник Берёзкин. Части офицеров было отказано в присвоении очередного воинского звания. Это была, пожалуй, первая тень, которая легла на репутацию генерал-лейтенанта артиллерии Сергея Фёдоровича Ниловского за время его работы в нашем Институте. Продолжение гонения на него мы ощутили и при другом Главкоме Войск ПВО — Маршале авиации Судце. Как-то нам стало известно, что маршал обвинил начальника нашего НИИ в некомпетентности в вопросах вооружения ПВО и устроил Ниловскому экзамен. Чувствовалось, что отыскивались мотивы для его увольнения. Уволен он был в 1966 году в возрасте 60 лет.

Провожать Сергея Фёдоровича на пенсию собрались в большом помещении институтской столовой. Присутствовали почти все офицеры института, многочисленные гости, представители воинских частей и военных учреждений, а также Главкомата и различных Конструкторских бюро. Провожали его с почестями и огромной теплотой, как отца родного. Мы — офицеры Института — охотники, преподнесли Сергею Фёдоровичу памятный подарок — охотничий рог с вымпелом, на котором было искусно вышито изображение свирепого вепря. При вручении этого подарка я провозгласил тост и протрубил сигнал, рассчитывая на то, что он напомнит Сергею Фёдоровичу

чу о незабываемых днях охоты на кабанов вместе со своими сотоварищами.

После увольнения из Армии Сергей Фёдорович жил в Москве, скончался он на своей даче в 1973 году. В Москве, в Доме офицеров Московского округа ПВО, состоялась панихида по Ниловскому. С ним пришли проститься широко известные в Стране военные, фронтовые товарищи, многие Генеральные конструкторы, руководители многих НИИ. Хоронили Ниловского на Головинском кладбище. Похороны были грандиозные. От сотрудников нашего Института венки возлагали я и полковник Воротников. На поминках, которые состоялись в одном из НИИ Министерства обороны, с тёплыми речами в адрес Сергея Фёдоровича выступали герой легендарного перелета через Северный полюс генерал-полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков, другие военачальники, фронтовые товарищи Ниловского. От имени коллектива нашего института выступил и я.

С тех пор прошло уже 30 лет. Я вспоминаю о Сергее Фёдоровиче, как об очень близком мне человеке, с которым пришлось и разделить трудности служебных дел, и вместе проводить незабываемые дни, предаваясь общей для нас страсти — охоте.

Кандидат технических наук,
полковник
В.В.Крымов
Сентябрь 1999 года